

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fdoysv>

Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны

Майоров Георгий Александрович

Государственный университет управления, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>maiorov.7575@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется проблема трансформирующего влияния ядерного фактора на военные доктрины СССР и США в период холодной войны, определявшего логику стратегического противоборства сверхдержав. Актуальность темы обусловлена сохраняющейся ролью ядерного сдерживания в современной системе международной безопасности, новизна заключается в комплексном сравнительно-историческом анализе взаимовлияния технологических и доктринальных аспектов ядерного противостояния. Цель – выявить механизмы трансформации военно-стратегического мышления сверхдержав под воздействием ядерного фактора. Методологической основой исследования служат принципы историзма и системности, методы сравнительно-исторического анализа и периодизации. На основе широкого спектра источников (доктринальные документы, международные договоры, аналитические материалы Стокгольмского международного института исследования проблем мира, историографические работы) анализируется эволюция стратегического мышления от начального этапа ядерной монополии США до формирования концепций ядерного сдерживания, взаимного гарантированного уничтожения и ядерной триады. Результаты исследования включают авторскую периодизацию эволюции ядерных стратегий: этап становления (1945–1953 гг.), этап классического ядерного сдерживания (1954–1969 гг.), этап стратегической стабильности (1970–1985 гг.), этап трансформации (1986–1991 гг.). Выявлена асимметрия в подходах сверхдержав к развитию компонентов ядерной триады. Сделан вывод, что ядерный фактор качественно изменил природу военного противостояния, создав систему стратегической стабильности, основанную на взаимном сдерживании, и стимулировал развитие механизмов контроля над вооружениями, многие из которых сохраняют актуальность в современных международных отношениях.

Ключевые слова: холодная война, ядерное сдерживание, военные доктрины, стратегическая стабильность, гонка вооружений, СССР, США

Цитирование: Майоров Г. А. Влияние ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 6. С. 1112–1123. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1112-1123>

Поступила в редакцию 09.03.2025. Принята после рецензирования 23.05.2025. Принята в печать 26.05.2025.

full article

Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War

Georgy A. Mayorov

State University of Management, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>maiorov.7575@mail.ru

Abstract: The Cold War doctrines of the USSR and the USA were shaped by the nuclear factor. Today, nuclear deterrence remains a major factor of international security. This article offers a comprehensive comparative historical analysis of the mutual influence in the technological and doctrinal aspects of nuclear confrontation.

The authors studied doctrinal documents, international treaties, analytical materials (Stockholm International Peace Research Institute), and historiographical works to trace the evolution of strategic thinking from the initial stage of the US nuclear monopoly to the formation of concepts of nuclear deterrence, mutual assured destruction, and the nuclear triad. The evolution of nuclear strategies was periodized as follows: formation (1945–1953); classical nuclear deterrence (1954–1969), strategic stability (1970–1985), transformation (1986–1991). While the approaches that the superpowers applied to the nuclear triad were rather asymmetric, the nuclear factor changed the nature of military confrontation, creating a system of strategic stability based on mutual deterrence. It yielded new arms control mechanisms, many of which remain relevant in the modern international relations.

Keywords: Cold War, nuclear deterrence, military doctrines, strategic stability, arms race, USSR, USA

Citation: Mayorov G. A. Nuclear Factor and Its Impact on Military Doctrines of the USSR and the USA during the Cold War. *SibScript*, 2025, 27(6): 1112–1123. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-6-1112-1123>

Received 9 Mar 2025. Accepted after peer review 23 May 2025. Accepted for publication 26 May 2025.

Введение

В череде исторических событий прошлого столетия противостояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, известное как холодная война, занимает особое место. Несмотря на то что противоборство двух сверхдержав уходит корнями в середину XX в., многие его аспекты не утратили своей актуальности и по сей день. Вглядываясь в события прошлого с позиций современности, мы обнаруживаем не просто отголоски ушедшей эпохи, но и трансформацию исторических процессов, при которой определенные доминантные черты сохраняются в новых формах. Одним из главных факторов, определявших динамику советско-американских отношений в период холодной войны, был ядерный. Появление ядерного оружия коренным образом изменило стратегический ландшафт и оказало существенное влияние на формирование военных доктрин двух сверхдержав. Хотя интенсивность противостояния между СССР и США в те годы может показаться гипертрофированной с позиции сегодняшнего дня, нельзя не признать, что многие его элементы сохраняют свою значимость и на современном историческом этапе. Символом напряженности, порожденной ядерным фактором, стали так называемые часы Судного дня, созданные учеными-атомщиками в 1947 г. Согласно экспертным оценкам, в 2025 г. стрелки этих часов показывали 89 секунд до полуночи – самый низкий результат за всю историю их существования¹. Эта ситуация перекликается с событиями Карибского

кризиса 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной катастрофы из-за конфронтации между СССР и США.

Историографический анализ проблемы влияния ядерного фактора на военные доктрины демонстрирует существенную эволюцию научных подходов. В ранней историографии 1950–1970-х гг., представленной трудами Дж. Аллена [Аллен 1952], Г. Альпровица [Алпровиц 1968], проблема трактовалась преимущественно с позиции критики атомной дипломатии и атомного империализма США. В исследованиях В. В. Ларионова, И. Хозина, А. И. Иойрыша, И. Д. Морохова, С. К. Иванова ядерная стратегия СССР рассматривалась сугубо в оборонительном контексте [Иойрыш и др. 1980; Ларионов 1980; Хозин 1977]. Период конца 1970-х – 1980-х гг. ознаменовался появлением более сбалансированных работ, где впервые были предприняты попытки комплексного анализа ядерного фактора в контексте стратегической стабильности [Орлов 1989; Рогов 1989; Трухановский 1985].

Значительный прорыв в исследовании проблемы произошел в 1990-е гг. после рассекречивания ряда архивных материалов. Работы В. П. Визгина, А. А. Яцкова, Д. Холлоуэя, А. К. Круглова, В. Л. Малькова внесли существенный вклад в понимание роли ядерного фактора в стратегическом противостоянии сверхдержав [Визгин, Яцков 1992; Круглов 1995; Мальков 1995; Холлоуэй 1997]. На современном этапе исследования характеризуются междисциплинарным подходом, интегрирующим

¹ Стрелки «Часов Судного дня» перевели на секунду ближе к «ядерной полуночи». ТАСС. 28.01.2025. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/22994857/amp?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 15.02.2025).

военно-стратегические, дипломатические и технологические аспекты проблемы [Кокошин 2003; Лота 2002; Фененко 2020; Arbatov 2000]. В западной историографии наблюдалась схожая эволюция от работ Дж. Гэддиса [Gaddis 1987] и М. Шервина [Sherwin 1987] с преимущественно технологическим и политическим фокусом до системных исследований М. Банди [Bundy 1988], Р. Роудса [Rhodes 1995], С. Залогы [Zaloga 1993], анализирующих психологические, доктринальные и культурные, идеологические аспекты ядерного сдерживания. Особую ценность представляют труды специалистов Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ) и Центра политических исследований России, позволяющие проследить динамику влияния ядерного фактора на военные доктрины в контексте процессов контроля над вооружениями и режима нераспространения.

Однако несмотря на значительное количество работ по истории ядерного противостояния, в существующей историографии недостаточно изучена проблема взаимовлияния военно-технических и доктринальных аспектов ядерного фактора. Новизна настоящего исследования заключается в комплексном сравнительно-историческом анализе трансформации военных доктрин СССР и США под влиянием ядерного фактора с акцентом на институциональные механизмы адаптации стратегического мышления к новым технологическим реалиям. В отличие от большинства предшествующих работ, концентрировавшихся либо на технологической, либо на политической составляющей проблемы, данное исследование предлагает интегративный подход, рассматривающий военные доктрины как сложные адаптивные системы, эволюционировавшие в условиях технологических прорывов, стратегической неопределенности и идеологического противостояния. В статье также представлена периодизация эволюции ядерных компонентов военных доктрин, отражающая качественные изменения не только в арсеналах и технологиях, но и в концептуальном осмыслении роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности сверхдержав.

Цель – выявить механизмы трансформации военно-стратегического мышления сверхдержав под воздействием ядерного фактора. Для достижения поставленной цели представляется необходимым исследовать эволюцию стратегического мышления двух сверхдержав под воздействием

разработки и накопления ядерных арсеналов, а также изучить, как ядерный фактор трансформировал концептуальные основы обеспечения национальной безопасности СССР и США. Актуальность темы исследования обусловлена не только значимостью осмысления исторического опыта холодной войны, но и необходимостью выявления долгосрочных последствий влияния ядерного фактора на международные отношения. Понимание того, как наличие ядерного оружия изменило логику стратегического противоборства в прошлом, может способствовать выработке более эффективных подходов к обеспечению стабильности и предотвращению конфликтов в ядерную эпоху.

Методы и материалы

Исследование основано на анализе широкого спектра исторических источников:

1. Официальные доктринальные документы – меморандумы Совета национальной безопасности США (СНБ-68, СНБ 162/2), документы по стратегии массированного возмездия (1954), концепции гибкого реагирования (1962). Эти источники позволяют проследить эволюцию официальных установок относительно роли ядерного оружия в военных доктринах. Доктринальные документы СССР представлены более фрагментарно в силу их закрытого характера в советский период.

2. Международные договоры и соглашения в сфере контроля над ядерными вооружениями: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963), Договор по ПРО (1972), ОСВ-I (1972), Договор о РСМД (1987), СНВ-I (1991), СНВ-II (1993), Будапештский меморандум (1994) и др.

3. Мемуарная литература – воспоминания С. Ф. Ахромеева и Г. М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата», материалы выступлений государственных деятелей, что дает представление о мотивах принятия стратегических решений.

4. Аналитические материалы международных исследовательских центров – ежегодники и специальные исследования СИПРИ (1968/69, 1972), содержащие статистические данные по динамике ядерных вооружений и их структуре, а также экспертные оценки.

5. Историографические работы – труды представителей различных направлений отечественной и зарубежной историографии (А. С. Орлов, В. В. Ларионов, С. М. Рогов, Дж. Гэддис, Р. Роудс, С. Залог), отражающие эволюцию научных подходов к проблеме.

Методологической основой работы послужили принципы историзма, системности и научной объективности, методы сравнительно-исторического анализа, периодизации и историко-генетический подход, позволившие проследить эволюцию ядерных стратегий в их историческом развитии и взаимосвязи.

Результаты

Прежде чем перейти к непосредственному определению влияния ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны, представляется необходимым определить понятия настоящего исследования. Под военной доктриной мы понимаем систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к войне, ее предотвращение, ведение и обеспечение безопасности страны. Военная доктрина затрагивает политические, экономические и собственно военные аспекты обеспечения обороны и отражает совокупность взглядов на военно-политические цели государства, характер будущей войны и способы ее ведения [Забузов 2018]. Ядерный фактор рассматривается нами как совокупность обстоятельств и условий, связанных с наличием ядерного оружия и оказывающих существенное влияние на военно-политическую стратегию государств и их взаимоотношения на международной арене [Кокошин 2003]. Ядерный фактор включает в себя наличие ядерных арсеналов и средств их доставки, доктринальные установки относительно роли ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности, режимы контроля над ядерными вооружениями, вопросы распространения и нераспространения ядерных технологий, проблему стратегической стабильности и устойчивости ядерного сдерживания.

Переходя к историческому анализу, отметим, что истоки ядерного противостояния между СССР и США уходят корнями в период Второй мировой войны. Разработка ядерного оружия, начатая в рамках Манхэттенского проекта в 1942 г. [Роудс 2020], заложила фундамент для последующей трансформации стратегического ландшафта. Успешное испытание первой атомной бомбы «Тринити» 16 июля 1945 г. [Там же: 755] и последующее применение ядерного

оружия против японских городов Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. [Bernstein 1995] продемонстрировали колоссальную разрушительную мощь нового вида вооружения.

Под впечатлением от опустошительных последствий атомных бомбардировок лидеры СССР осознали необходимость ликвидации монополии США на ядерное оружие. 20 августа 1945 г. был создан Специальный комитет при ГКО СССР по решению атомной проблемы во главе с Л. П. Берией² [Родин 2012]. Одну из незаменимых ролей в развертывании советского атомного проекта сыграл выдающийся физик и организатор науки И. В. Курчатов³. Под его руководством была создана уникальная кооперация научных и производственных организаций, нацеленная на решение атомной проблемы. Развернувшаяся при активном участии разведки работа по созданию советской атомной бомбы увенчалась успехом 29 августа 1949 г., когда на Семипалатинском полигоне было проведено первое испытание РДС-1 [Роудс 2020].

По исследовательским оценкам, к началу 1950-х гг. США обладали примерно 300 ядерными боезарядами, в то время как СССР имел не более 5 единиц⁴. Это количественное неравенство определяло асимметричный характер ядерного противостояния на начальном этапе и во многом обусловило агрессивную риторику американского руководства [Иванян 2001]. Однако обретение Советским Союзом статуса ядерной державы в корне изменило стратегический баланс сил. США утратили монополию на атомное оружие, что побудило администрацию президента Г. Трумэна активизировать работы по созданию еще более мощного термоядерного оружия. В секретном документе Совета национальной безопасности США в 1950 г. отмечалось, что если США разработают термоядерное оружие раньше Советского Союза, они смогут в течение какого-то времени оказывать усиленное давление на СССР. Результатом стало успешное испытание первой американской водородной бомбы «Иви Майк» на атолле Эниветок 1 ноября 1952 г. [Rhodes 1995]. СССР в свою очередь также форсировал разработку термоядерного оружия, и 12 августа 1953 г. на Семипалатинском полигоне

² О Специальном комитете [по использованию атомной энергии] при ГКО. Распоряжение Государственного комитета обороны № ГКО-9887сс/ов от 20.08.1945.

³ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 2. Кн. 1: Атомная бомба, 1945–1954, отв. сост. Г. А. Гончаров. М.: Наука; Физматлит, 1999. 718 с.

⁴ SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1968/69. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. 860 p.

была испытана первая советская водородная бомба РДС-6с [Kojevnikov 2004]. Появление термоядерного оружия вывело гонку ядерных вооружений на качественно новый уровень. Колоссальная разрушительная мощь водородных бомб, на порядки превосходящая атомные, потребовала переосмысления основ стратегической стабильности.

В этих условиях в военных доктринах СССР и США начали формироваться концепции ядерного сдерживания, основанные на способности нанести неприемлемый ущерб противнику даже в случае получения первого удара [Gaddis 1987]. В одном из пунктов программного документа США СНБ 162/2 отмечалось, что в случае военных действий Соединенные Штаты будут рассматривать ядерное оружие как доступное для использования наряду с другими боеприпасами⁵. В 1954 г. главный научный консультант президента США Дж. Киллиан высказал идею о том, что в условиях ядерного паритета единственным рациональным вариантом поведения сторон является *mutually assured destruction* – взаимное гарантированное уничтожение (ВГУ) – ситуация, при которой нападение неизбежно вызовет ответный удар и гибель нападающего [Getting MAD... 2004]. По мысли Дж. Киллиана, осознание неотвратимости такого исхода должно было удерживать СССР и США от применения ядерного оружия. Концепция ВГУ легла в основу ядерной стратегии США и нашла отражение в доктринальных документах – например, в стратегии массированного возмездия (*Massive retaliation*) 1954 г. [Фененко 2020]. На практике ВГУ требовало наращивания стратегических сил для обеспечения способности нанести сокрушительный ответный удар. Это привело к интенсификации гонки ядерных вооружений, в которую оказались вовлечены обе сверхдержавы.

В СССР доктрина ядерного сдерживания также получила развитие, хотя и со своими особенностями.

Советское руководство исходило из того, что ядерная война не может быть средством достижения политических целей и должна быть предотвращена [Kokoshin 1998]. В то же время военная доктрина СССР придавала большое значение необходимости поддержания стратегического паритета с США и способности нанести неприемлемый ущерб противнику в случае агрессии [Arbatov 2000]. Стремление обеих сверхдержав обеспечить гарантированное нанесение ответного ядерного удара породило концепцию ядерной триады (рис.) – сочетание межконтинентальных баллистических ракет (МБР), стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) [Никонов и др. 1986: 56]. Каждый из компонентов триады должен был обладать способностью самостоятельно нанести противнику неприемлемый ущерб, что повышало устойчивость стратегических сил и затрудняло возможность их обезоруживающего удара.

США изначально делали ставку на стратегическую авиацию как основной компонент ядерных сил. Созданное в 1946 г. Стратегическое авиационное командование (SAC) было ведущим элементом американской ядерной триады до конца 1960-х гг. Советский Союз, учитывая уязвимость своей территории для авиационных ударов в условиях глобального окружения американскими военными базами, сделал приоритетным развитие ракетных технологий. Создание в 1959 г. Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) как отдельного вида вооруженных сил подчеркивало особый статус ракетно-ядерного компонента в советской военной доктрине. Морской компонент триады также развивался асимметрично. США, обладая преимуществом в океанских акваториях, создали систему передового базирования атомных подводных лодок

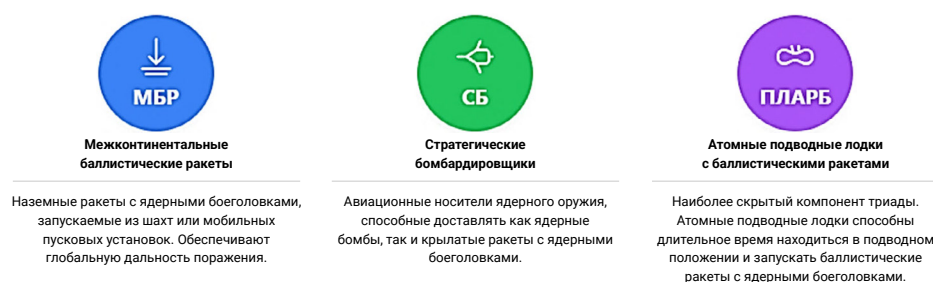

Рис. Структурные компоненты ядерной триады
Fig. Structural components of the nuclear triad

⁵ Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. NSC 162/2. 30 Oct 1953. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf> (accessed 15 Feb 2025).

с баллистическими ракетами. Для СССР наращивание морского компонента триады было сопряжено с проблемой выхода в открытое море через контролируемые НАТО проливы и узости, что потребовало разработки специфических оперативных концепций и технических решений. Советская доктрина предусматривала использование мобильных комплексов сухопутного базирования как компенсацию относительной уязвимости морского компонента. Формирование ядерной триады способствовало увеличению разнообразия стратегических вооружений и усложнению архитектуры ядерного сдерживания. В арсеналах СССР и США появились разнообразные системы доставки ядерных боезарядов, включая баллистические и крылатые ракеты, оснащенные как моноблочными, так и разделяющимися головными частями [Zaloga 1993]. Росло число ядерных боеголовок, совершенствовались системы управления и связи, обеспечивавшие живучесть и надежность ядерных сил. По данным СИПРИ, к началу 1970-х гг. структура ядерных триад СССР и США приобрела определенный вид (табл. 1⁶).

Эта гонка ядерных вооружений достигла своего пика в 1960-е гг. Интенсивность гонки ядерных вооружений наглядно демонстрирует динамика ядерных испытаний, проводимых ядерными державами.

Приводя статистические выдержки из аналитического центра СИПРИ⁷, отметим, что в период 1945–1968 гг. было проведено 748 ядерных испытаний, причем на долю СССР и США приходилось более 90 % от их общего числа (табл. 2). Особенно показательно резкое увеличение частоты испытаний накануне Карибского кризиса, что отражало нарастание напряженности между сверхдержавами.

Карибский ракетный кризис 1962 г. продемонстрировал, насколько высоки ставки в ядерном противостоянии сверхдержав. Данный период стал своеобразной точкой бифуркации не только в российской, но и в мировой истории [Маханьков, Самыловская 2023]. Осознание опасности неконтролируемой эскалации подтолкнуло лидеров СССР и США Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди к поиску путей снижения напряженности и ограничения гонки вооружений. Результатом стало заключение первого в истории советско-американского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (атмосфере, космическом пространстве и под водой) от 5 августа 1963 г.⁸ [Самойловская 2023]. Хотя договор не затронул подземные испытания и не ограничивал наращивание ядерных арсеналов, он заложил основу для последующего диалога по контролю над вооружениями. В 1960-е гг. в военных доктринах

Табл. 1. Сравнительная структура ядерных триад СССР и США на 1 января 1972 г.

Tab. 1. Soviet vs. US nuclear triads, January 1, 1972

Тип вооружений	США	СССР
Наземный компонент		
Межконтинентальные баллистические ракеты	1054 (150 с разделяющимися головными частями, 904 – без них)	1520
Морской компонент		
Баллистические ракеты подводных лодок	656 (544 Поларис, 112 Посейдон)	500 (400 класса Янки, 100 ранних типов)
Крылатые ракеты морского базирования	–	270
Всего (морской компонент)	656	770
Авиационный компонент		
Стратегические бомбардировщики	531	140
Общее количество стратегических носителей	2241	2430

⁶ Сост. по: SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1972. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. P. 2.

⁷ SIPRI. Yearbook of World Armaments and Disarmament 1968/69. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969. P. 242.

⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 05.08.1963. ИПП Гарант.

Табл. 2. Ядерные испытания 1945–1968 гг.

Tab. 2. Nuclear tests, 1945–1968

Страна	1945–1949	1950–1955	1956–1960	1961–1962	1963*	1963**	1964–1966	1967–1968	Всего
США	6	58	108	97	40	8	95	65	477
СССР	1	7	48	74	–	–	30	22	182
Великобритания	–	4	18	2	–	–	1	–	25
Франция	–	–	3	2	1	1	7	8	22
Китай	–	–	–	–	–	–	4	3	7
Всего	7	69	177	175	41	9	137	98	713

Прим.: * – испытания до 10 октября 1963 г. (до вступления в силу Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах),

** – после 10 октября 1963 г.

СССР и США происходил пересмотр роли ядерного оружия. Если в 1950-е гг. ядерное оружие рассматривалось преимущественно как инструмент ведения боевых действий, то в 1960-е гг. акцент сместился на его сдерживающую функцию. В США получила развитие концепция гибкого реагирования, предполагавшая адаптацию масштабов применения ядерного оружия к конкретным сценариям конфликта – в дальнейшем она станет официальной стратегией и блока НАТО [Хозин 1977]. В СССР также признавалась необходимость контроля над эскалацией и ограничения масштабов ядерной войны.

1970-е гг. ознаменовались прорывом в советско-американском диалоге по ограничению стратегических вооружений. 26 мая 1972 г. в ходе визита президента США Р. Никсона в Москву были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны⁹ (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений¹⁰ (ОСВ-I) [Анисимова и др. 2020]. Эти соглашения впервые установили количественные ограничения на стратегические ядерные силы СССР и США. Достижение ядерного паритета и закрепление его на договорной основе создали предпосылки для перехода от конфронтации к разрядке в советско-американских отношениях. Однако разрядка оказалась недолговечной. Продолжавшаяся качественная гонка ядерных вооружений, появление нового поколения высокоточных систем доставки, программы

милитаризации космоса вновь обострили стратегическое соперничество в конце 1970-х – начале 1980-х гг. [Ballistic Missile Defense 1984].

Очередной виток гонки ядерных вооружений был связан с амбициозной программой стратегической оборонной инициативы (СОИ), выдвинутой президентом США Р. Рейганом в марте 1983 г. [Зегвельд, Энцинг 1989]. СОИ предполагала создание многоуровневой системы противоракетной обороны космического базирования с элементами направленной энергии. Несмотря на технологическую и финансовую сложность реализации, сама постановка вопроса о возможности ПРО подрывала основы стратегической стабильности и побуждала СССР к принятию ответных мер [Рогов 1989]. Но осознание губительности безудержной гонки ядерных вооружений постепенно пробивало себе дорогу. Новое политическое мышление М. С. Горбачева, пришедшего к власти в СССР в 1985 г., и прагматический подход администрации Р. Рейгана открыли возможности для возобновления диалога. А. А. Кокошин отмечает, что именно в период 1985–1989 гг. произошел переход от концепции взаимного гарантированного уничтожения к концепции достаточности ядерных сил [Кокошин 2003]. Важнейшим элементом новой политики стала серия односторонних инициатив СССР, включая мораторий на ядерные испытания (6 августа 1985 г.), предложение о полной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. (15 января 1986 г.), а также значительные сокращения обычных вооружений

⁹ Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Москва, 26.05.1972. ИПП Гарант.

¹⁰ Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1974. Вып. XXVIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1972 года.

в Европе. Прорывом стали Рейкьявская встреча лидеров двух стран в октябре 1986 г. и подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 8 декабря 1987 г.¹¹ Впервые в истории целый класс ядерных вооружений подлежал полной ликвидации под международным контролем. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 г. М. С. Горбачев заявил: «Да, движение к безъядерному и ненасильственному миру способно коренным образом преобразить политический и духовный облик планеты»¹². Последующее за этим окончание холодной войны открыло возможности для кардинального пересмотра ядерной стратегии. Но ретроспективный анализ показывает, что долгосрочные последствия трансформации советской ядерной доктрины в период перестройки оказались противоречивыми. С одной стороны, они способствовали существенному снижению международной напряженности и созданию условий для окончания холодной войны, с другой – односторонние сокращения ядерных вооружений и вывод тактического ядерного оружия из восточноевропейских государств без юридически обязывающих договоренностей о невступлении этих стран в НАТО создали предпосылки для последующих противоречий в сфере безопасности.

Итак, анализ эволюции ядерных доктрин СССР и США позволяет выделить четыре основных этапа их развития, каждый из которых характеризовался специфическими концептуальными подходами и стратегическими установками:

1. Этап становления (1945–1953 гг.): формирование первоначальных представлений о роли ядерного оружия в военной стратегии. Для США этот период характеризовался стремлением использовать монополию на ядерное оружие как инструмент давления на СССР (доктрина ядерного шантажа). Советская стратегия была направлена на ликвидацию американской монополии и создание собственного ядерного потенциала.

2. Этап классического ядерного сдерживания (1954–1969 гг.): формирование базовых концепций ядерного сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения. В США этот период связан с доктринами массированного возмездия и начальным этапом гибкого реагирования. В СССР развивалась

концепция неприемлемого ущерба и формировались основы ракетно-ядерного паритета.

3. Этап стратегической стабильности (1970–1985 гг.): институционализация ядерного сдерживания через систему договоров по ограничению стратегических вооружений. В США развивались концепции ограниченной ядерной войны и избирательного применения ядерного оружия. В СССР акцент делался на поддержании ракетно-ядерного паритета и укреплении стратегической стабильности.

4. Этап трансформации (1986–1991 гг.): пересмотр роли ядерного оружия в контексте окончания холодной войны. Для СССР / России этот период связан с концепцией нового политического мышления и началом радикальных сокращений ядерных арсеналов. В США происходила адаптация ядерной стратегии к изменяющимся международным условиям.

Данная периодизация, основанная на анализе эволюции концептуальных подходов сверхдержав к ядерному оружию, позволяет структурировать процесс формирования и трансформации их военных доктрин в контексте меняющегося стратегического ландшафта холодной войны.

Обсуждение

Обсуждая вышепредставленный исторический анализ, следует отметить, что появление ядерного оружия кардинальным образом трансформировало стратегическое мышление СССР и США, заложив основу их военно-политического противоборства. Подводя итог, можно сформулировать следующие основные выводы относительно влияния ядерного фактора на формирование военных доктрин СССР и США в период холодной войны:

1. Появление ядерного оружия радикально изменило представления о характере будущей войны. Колоссальная разрушительная мощь ядерных зарядов привела к осознанию того, что полномасштабная ядерная война между сверхдержавами повлечет катастрофические последствия для всего человечества. Это потребовало пересмотра традиционных взглядов на войну как инструмент политики и средство достижения победы над противником.

2. Формирование концепций ядерного сдерживания стало закономерной реакцией на угрозу ядерной войны. Доктрина взаимного гарантированного

¹¹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата: Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Междунар. отношения, 1992. 318 с.

¹² Выступление в ООН. 07.12.1988. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

уничтожения, предполагавшая способность сторон нанести противнику неприемлемый ущерб даже в случае получения первого удара, легла в основу стратегического баланса СССР и США. Поддержание ядерного паритета и угроза возмездия рассматривались как основа стратегической стабильности.

3. Гонка ядерных вооружений оказала определяющее влияние на структуру и состав стратегических сил сверхдержав. Концепция ядерной триады была призвана обеспечить гарантированное нанесение ответного удара. Количественное наращивание ядерных арсеналов сопровождалось их качественным совершенствованием, созданием разнообразных систем доставки и преодоления ПРО.

4. В военных доктринах обеих сверхдержав признавалась невозможность достижения победы в ядерной войне. Но разрабатывались концепции ограниченной ядерной войны, селективного и ограниченного применения ядерного оружия на отдельных театрах военных действий. Эти установки нашли отражение в планах гибкого реагирования.

5. Ядерный фактор стимулировал развитие механизмов контроля над вооружениями и кризисной стабильности. Стремление избежать ядерной войны побуждало лидеров к диалогу и поиску взаимоприемлемых договоренностей по ограничению ядерных вооружений, созданию мер доверия и снижению рисков случайной войны.

6. Опыт Карибского кризиса, поставившего мир на грань ядерной катастрофы, способствовал осознанию необходимости политического урегулирования противоречий и недопущения прямого военного столкновения ядерных держав. Это стало важным уроком и побудительным мотивом к разработке концепций стратегической стабильности.

7. К концу периода холодной войны в доктринальном мышлении СССР и США утвердилось понимание невозможности достижения победы в ядерной войне и неизбежности катастрофических последствий для всего человечества. На первый план вышли задачи предотвращения ядерной войны политическими средствами.

В научном дискурсе одним из центральных дискуссионных вопросов остается оценка эффективности доктрины ядерного сдерживания. Традиционный подход (А. А. Кокошин, С. М. Рогов,

Г. Киссинджер, Р. Джервис) рассматривает ядерное сдерживание как ключевой стабилизирующий фактор биполярной системы, предотвративший прямое военное столкновение сверхдержав. По мнению этих авторов, логика взаимного гарантированного уничтожения, несмотря на ее парадоксальность, обеспечивала стратегическую стабильность и создала условия для развития процесса контроля над вооружениями. Альтернативная точка зрения (А. Г. Арбатов, В. З. Дворкин, С. Саган, Н. Таннехилл) подчеркивает дестабилизирующие аспекты ядерного противостояния. Эти авторы указывают на многочисленные кризисные ситуации (Берлинские кризисы, Карибский кризис, кризис 1973 г.), когда мир оказывался на грани ядерной катастрофы. По оценке А. Г. Арбатова, модель биполярного ядерного сдерживания периода холодной войны была внутренне противоречивой и неустойчивой, что неоднократно приводило к опасным кризисам и могло закончиться катастрофой [Арбатов 1999].

В западной историографии единство мнений также отсутствует. Сторонники ортодоксального подхода (К. Уолц, Дж. Миршаймер) рассматривают ядерное сдерживание как стабилизирующий фактор международных отношений. Так, К. Уолц в работе «Распространение ядерного оружия: больше может быть лучше» выдвигает противоречивый тезис о том, что контролируемое распространение ядерного оружия может способствовать региональной стабильности [Waltz 1981]. Критики этого подхода (С. Саган, Р. Джервис) указывают на опасность эскалационной динамики в условиях кризисов и проблему рационального поведения в экстремальных ситуациях.

При активном содействии США в 1990-е гг. начался процесс вывода тактического ядерного оружия и стратегических ядерных сил с территорий Украины, Казахстана и Беларуси в Россию. Будапештский меморандум от 5 декабря 1994 г. закрепил безъядерный статус этих государств в обмен на гарантии их безопасности¹³. Тем не менее окончание холодной войны не привело к полной ликвидации ядерного оружия. И Россия, и США сохранили значительные ядерные арсеналы, продолжая рассматривать их как важный компонент своей национальной безопасности. В 1990-е гг. были заключены новые соглашения в области контроля над стратегическими

¹³ Письмо постоянных представителей Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Украины при ООН от 07.12.1994 на имя Генерального секретаря. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n94/507/66/pdf/n9450766.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

наступательными вооружениями – Договор СНВ-I¹⁴ (1991 г.) и Договор СНВ-II¹⁵ (1993 г.), которые предусматривали существенное сокращение числа развернутых стратегических ядерных боезарядов и их носителей. Несмотря на окончание длительного биполярного противостояния, ядерное оружие не утратило своего значения, по сей день остается важнейшим фактором в оборонной политике как России, так и США и рассматривается нередко как стратегическое преимущество [Балацкий 2024]. Сохранение ядерного сдерживания как базового элемента стратегической стабильности, появление новых ядерных игроков, таких как Индия, Пакистан и Северная Корея [Клюенкова 2023], риски ядерного терроризма – всё это ставит новые задачи перед мировым сообществом в ядерной сфере. Сегодня в академическом дискурсе ведется активная дискуссия относительно прагматических аспектов ядерного сдерживания и разоружения, и, как мы отмечали в самом начале исследования, вопросы ядерной безопасности и физической защиты ядерных объектов и материалов выходят на первый план международной повестки дня [Быченко, Сердюкова 2022].

Заключение

Исторический опыт ядерного противостояния СССР и США в годы холодной войны демонстрирует колоссальное влияние ядерного фактора

на формирование и эволюцию военно-стратегического мышления двух сверхдержав. Логика ядерного сдерживания, гонка ядерных вооружений, концепции ограниченной ядерной войны и стратегической стабильности, осознание опасности неконтролируемой эскалации стали краеугольными элементами советско-американского противоборства. Окончание холодной войны не устранило ядерный фактор из международных отношений, но трансформировало его в новых условиях. Несмотря на достигнутый прогресс в сокращении ядерных вооружений, мир еще далек от полного избавления от ядерной угрозы. Извлечение уроков из опыта ядерного противостояния СССР и США и понимание долгосрочных последствий влияния ядерного фактора на стратегическое мышление остается насущной задачей и для нынешнего поколения государственных деятелей, военных стратегов и экспертов. История учит, что недооценка роли и рисков ядерного фактора может иметь катастрофические последствия для мировой стабильности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аллен Дж. Атомный империализм. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 356 с. [Allen J. S. *Atomic imperialism*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1952, 356. (In Russ.)]
- Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам: О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом. М.: Междунар. отношения, 1968. 271 с. [Alperovitz G. *Atomic diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The use of the atomic bomb and the American confrontation with Soviet power*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1968, 271. (In Russ.)]
- Анисимова О. Е., Баранов Д. А., Зайцев В. А., Полянин А. Р., Анисимов В. П. Полувековой диалог о ПРО. *Военно-исторический журнал*. 2020. № 1. С. 4–14. [Anisimova O. E., Baranov D. A., Zaitsev V. A., Polyanin A. R., Anisimov V. P. Half a century of AMD debates. *Voyenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2020, (1): 4–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ctkpto>
- Арбатова А. Г. Безопасность: российский выбор. М.: ЭПИцентр, 1999. 525 с. [Arbatov A. G. *Security: Russian choice*. Moscow: EPItsentr, 1999, 525. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thmvfp>

¹⁴ Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). Москва, 31.07.1991. ИПП Гарант.

¹⁵ Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2). Москва, 03.01.1993. ИПП Гарант.

- Балацкий Е. В. Феномен стратегических преимуществ в XXI веке. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 4. С. 39–57. [Balatsky E. V. The phenomenon of strategic advantages in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2024, 17(4): 39–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.2>
- Быченко О. А., Сердюкова Д. М. Ядерная безопасность как элемент международной и национальной безопасности: вызовы современности. *Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: Междунар. науч.-практ. конф. (Астрахань, 26 апреля 2022 г.)* М.: Русайнс, 2022. С. 89–96. [Bychenko O. A., Serdyukova D. M. Nuclear safety as an element of international and national security: Challenges of our time. *Theoretical aspects of jurisprudence and issues of law enforcement: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, 26 Apr 2022*. Moscow: Rusains, 2022, 89–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzyuzm>
- Визгин В. П., Яцков А. А. У истоков советского атомного проекта: роль разведки. 1941–1946 (по материалам архива внешней разведки России). *Вопросы истории естествознания и техники*. 1992. № 3. С. 97–134. [Vizgin V. P., Yatskov A. A. At the origins of the Soviet atomic project: The role of intelligence in 1941–1946 (archives of Russian foreign intelligence). *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1992, (3): 97–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwiast>
- Забузов О. Н. Советская военная доктрина: интегративный взгляд. *Приграничный регион в историческом развитии: Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 26 октября 2018 г.)* Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 2. С. 97–100. [Zabuzov O. N. Soviet military doctrine: An integrative sight. *Border region in historical development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 26 Oct 2018*. Chita: Tbsu, 2018, pt. 2, 97–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymudop>
- Зегвельд В., Энцинг К. Стратегическая оборонная инициатива: технологический прорыв или экономическая авантюра? М.: Прогресс, 1989. 302 с. [Zegveld W., Encing K. *Strategic defense initiative: Technological breakthrough or economic gamble?* Moscow: Progress, 1989, 302. (In Russ.)]
- Иванян Э. А. СНБ-68. In: Иванян Э. А. *Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века*. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 502. [Ivanyan E. A. NSC-68. In: Ivanyan E. A. *Encyclopedia of Russian-American relations in the XVIII–XX centuries*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2001, 502. (In Russ.)]
- Иойрыш А. И., Морохов И. Д., Иванов С. К. А-бомба. М.: Наука, 1980. 423 с. [Ioirysh A. I., Morokhov I. D., Ivanov S. K. *A-bomb*. Moscow: Nauka, 1980, 423. (In Russ.)]
- Клюенкова Д. В. Ядерный фактор во взаимоотношениях СССР и КНДР: от мирного атома к ядерному оружию. *Академия НСО-2023: конф. (Москва, 15 июня – 31 декабря 2023 г.)* М.: МГИМО МИД России, 2023. С. 167–173. [Klyuenkova D. V. Nuclear factor in relations between the USSR and the DPRK: From peaceful atom to nuclear weapons. *Academy NSO-2023: Proc. Conf., Moscow, 15 Jun – 31 Dec 2023*. Moscow: MGIMO University, 2023, 167–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyfebu>
- Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003. 144 с. [Kokoshin A. A. *Nuclear conflicts in the XXI century: Types, forms, and probable participants*. Moscow: Media-Press, 2003, 144. (In Russ.)]
- Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М.: ЦНИИатоминформ, 1995. 378 с. [Kruglov A. K. *How the atomic industry was created in the USSR*. Moscow: TsNIIatominform, 1995, 378. (In Russ.)]
- Ларионов В. В. Ядерная военная стратегия США. М.: Воениздат, 1980. 172 с. [Larionov V. V. *US Nuclear Military Strategy*. Moscow: Voenizdat, 1980, 172. (In Russ.)]
- Лота В. ГРУ и атомная бомба: Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. М.: ОЛМА-пресс, 2002. 382 с. [Lota V. *Russian Military Intelligence and the atomic bomb: The untold story of how military intelligence obtained information about the nuclear projects of Britain, Germany, the United States, and Japan*. Moscow: OLMA-press, 2002, 382. (In Russ.)]
- Мальков В. Л. Манхэттенский проект: Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. 269 с. [Malkov V. L. *Manhattan project: Intelligence and diplomacy*. Moscow: Nauka, 1995, 269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubrhhh>
- Маханьков О. С., Самыловская Е. А. Карибский кризис в российской историографии в 2000–2010-х гг. *Проблемы минерально-сырьевого комплекса глазами молодых ученых: Всерос. науч.-образов. семинара обучающихся*. (Санкт-Петербург, 8 апреля 2022 г.) СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2023. С. 182–189. [Makhankov O. S., Samylovskaya E. A. The Cuban Missile Crisis in Russian historiography in the 2000s and 2010s. *Problems of the mineral resource complex through the eyes of young scientists: Proc. All-Russian Sci.-Educ. Seminar*

- of Students, St. Petersburg, 8 Apr 2022. St. Petersburg: Kulturno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo, 2023, 182–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zmtsxy>
- Никонов А. Д., Подберезкин А. И., Благоволлин С. Е. и др. Гонка вооружений: причины, тенденции, пути прекращения. М.: Междунар. отношения, 1986. 302 с. [Nikonov A. D., Podberezkin A. I., Blagovolin S. E., et al. *Arms race: Causes, trends, ways of termination*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1986, 302. (In Russ.)]
- Орлов А. С. В поисках «абсолютного» оружия. М.: Мол. гвардия, 1989. 268 с. [Orlov A. S. *In search of the absolute weapon*. Moscow: Mol. gvardiia, 1989, 268. (In Russ.)]
- Рогов С. М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Междунар. отношения, 1989. 344 с. [Rogov S. M. *The Soviet Union and the USA: The search for a balance of interests*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1989, 344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tyivij>
- Родин А. М. Л. П. Берия в атомном проекте. *Военно-исторический журнал*. 2012. № 9. С. 60–66. [Rodin A. M. L. P. Beria in the atomic project. *Voyenno-Istoricheskii Zhurnal*, 2012, (9): 60–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdkzqf>
- Роудс Р. Создание атомной бомбы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 1056 с. [Rhodes R. *The making of the atomic bomb*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020, 1056. (In Russ.)]
- Самойловская Н. А. О запрещении ядерных испытаний в трех средах: между страхом и сомнениями. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 6. С. 52–65. [Samoylovskaya N. A. On the prohibition of nuclear tests in three environments: Between fear and doubt. *Polis. Political Studies*, 2023, (6): 52–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.05>
- Трухановский В. Г. Английское ядерное оружие: историко-политический аспект. М.: Междунар. отношения, 1985. 230 с. [Trukhanovskii V. G. *British nuclear weapons: Historical and political aspect*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1985, 230. (In Russ.)]
- Фененко А. В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. № 1. С. 111–135. [Fenenko A. V. Evolution of the nuclear deterrence theory in the US during the Cold War. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, 13(1): 111–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.108>
- Хозин И. Стратегия «гибкого реагирования» (По взглядам военных специалистов НАТО). *Зарубежное военное обозрение*. 1977. № 4. С. 3–10. [Khozin I. The strategy of flexible response as seen by NATO military experts. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 1977, (4): 3–10. (In Russ.)]
- Холлоуэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия, 1939–1956. Новосибирск: Сибир. хронограф, 1997. 625 с. [Holloway D. *Stalin and the bomb: The Soviet Union and atomic energy, 1939–1956*. Novosibirsk: Sibir. khronograf, 1997, 625. (In Russ.)]
- Arbatov A. G. The transformation of Russian Military Doctrine: Lessons learned from Kosovo and Chechnya. *The Marshall Center Papers*, 2000, (2): 62. <https://elibrary.ru/ucsyxh>
- Ballistic Missile Defense, eds. Carter A. B., Schwartz D. N. 2nd ed. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1984, 469.
- Bernstein B. J. The Atomic Bombings Reconsidered. *Foreign Affairs*, 1995, 74(1): 135–152. <https://elibrary.ru/byphlb>
- Bundy M. *Danger and survival. Choices about the bomb in the first fifty years*. New York: Random House, 1988, 735.
- Gaddis J. L. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press, 1987, 332.
- Getting MAD: Nuclear mutual assured destruction, its origins and practice, ed. Sokolski H. D. Carlisle: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2004, 368.
- Kojevnikov A. B. *Stalin's Great Science: The times and adventures of Soviet physicists*. London: Imperial College Press, 2004, 384. <https://doi.org/10.1142/p307>
- Kokoshin A. A. *Soviet strategic thought, 1917–91*. Cambridge, MA: MIT Press, 1998, 239.
- Rhodes R. *Dark sun: The making of the hydrogen bomb*. New York: Simon & Schuster, 1995, 731.
- Sherwin M. J. *A word destroyed. Hiroshima and the origins of the arms race*. New York: Vintage Books, 1987, 387.
- Waltz K. The spread of nuclear weapons: More may better: Introduction. *The Adelphi Papers*, 1981, 21(171). <https://doi.org/10.1080/05679328108457394>
- Zaloga S. J. *Target America: The Soviet Union and the Strategic Arms Race, 1945–1964*. Novato, CA: Presidio Press, 1993, 368.